

Книга о драматургии К. Крапивы

Выдающиеся успехи советской литературы и огромный интерес, проявляемый к ней широкими читательскими массами, создали настоятельную необходимость глубокого и всестороннего изучения фактов литературной жизни, творчества отдельных писателей и поэтов нашей республики. В белорусском литературоведении эта необходимость вызвана еще и тем, что до последних лет у нас почти не было широких монографических исследований творчества писателей и поэтов. Читатели и учащаяся молодежь вынуждены ограничиваться лишь критическими статьями в журналах и газетах. Вот почему появление за последние годы работ, изданных отдельными книгами, о творчестве Я. Купалы, Я. Коласа, А. Кудашова, П. Бровки, П. Глебки и других с интересом воспринято самыми различными кругами читателей. Таких книг с нетерпением ждут учителя и учащиеся наших школ, студенты техникумов и вузов, молодежь, которая ищет в них ответы на многие вопросы, возникающие при чтении художественных произведений.

Одним из таких исследований является книга Я. Усикова о драматургии лауреата Сталинской премии Кондрата Крапивы, выпущенная в этом году белорусским государственным издательством.

Книга носит название «Драматургия Кондрата Крапивы», однако она не охватывает в целом творчества писателя в этом жанре, а лишь, как об этом говорит ее подзаголовок, представляет собой очерк о положительном герое.

Тот факт, что автор задался целью изучить драматургию Крапивы с одной стороны, рассмотреть ее в плане одного вопроса, несколько не суживает значения этой книги для изучения драматургического творчества писателя в целом. Проблема положительного героя в творчестве отдельного писателя, как и во всей нашей литературе, является центральной пробле-

мой. От разрешения ее зависит успех или неудача произведения, ибо главной задачей нашей литературы является создание полнокровных, жизненных образов — характеров советских людей, строящих свое счастье, участвующих в великой борьбе за победу коммунизма. Создать такие образы можно только при условии, если писатель жизненно, правдиво изобразит их в действиях, в столкновениях и конфликтах, в постоянной борьбе за утверждение нового, за победу передовых принципов нашей жизни. Анализируя положительные образы, давая им характеристику, критик так или иначе должен коснуться и уделить внимание всем основным особенностям творчества писателя. Вот почему наряду с разбором положительных героев мы в книге встречаемся и с трактовкой отрицательных персонажей.

Поставив перед собой конкретную задачу — исследовать проблему положительного героя в драматургии Крапивы, автор правильно делает, обращаясь к раннему творчеству писателя, старается найти преемственность развития отдельных образов басен, рассказов Крапивы в его позднейших драматических произведениях, указывает на единую идейную устремленность творчества К. Крапивы и на его постоянное обогащение.

Путь, пройденный К. Крапивой, — это замечательный путь коммуниста-писателя. Начав его поэтом-баснописцем, К. Крапива создал большое количество острых сатирических произведений, которые прочно утвердили его имя в белорусской литературе. Но еще богаче и разнообразнее предстает жизнь в его драматических произведениях, где он создал целую галерею живых образов, типов, характеров, показал жизнь и борьбу советского народа на разных этапах его истории. В процессе творческого развития К. Крапива достиг большого мастерства в создании современной драмы, комедии и стал одним из виднейших советских драматургов. Сопостав-

ляя эти два этапа, автор книги правильно определяет основной пафос творчества К. Крапивы на всем его протяжении, который заключается в активном утверждении всего нового, передового, положительного.

Характеризуя книгу в целом, следует отметить, что она написана на богатом литературном материале. Автор приводит и дает (правда, иногда очень бегло) целый ряд сопоставлений пьес Крапивы с пьесами других советских писателей. Это помогает ему глубже оттенить новизну и оригинальность проблем и образов в произведениях драматурга.

Критик правильно показывает, что уже в первой драме «Конец дружбы», написанной в 1933 году, К. Крапива зарекомендовал себя как художник, умеющий создавать глубокожизненные характеры советских людей, умеющий построить острый конфликт и глубоко взволновать читателя и зрителя судьбами героев своих произведений. Уже первый, созданный драматургом положительный образ коммуниста Корнейчика нес в себе черты, характерные для всех передовых советских людей — честность, принципиальность и верность великому делу Коммунистической партии. Вместе с тем Я. Усиков справедливо отмечает и недостатки первого драматического произведения Крапивы, которые проявились в недостаточном психологическом обосновании отдельных сцен и поступков героя.

Большой и самобытный талант драматурга особенно ярко и во всю свою силу развернулся в народной драме «Партизаны». Здесь Крапива дал ряд замечательных образов простых людей из народа, показал богатырскую его мощь в борьбе за свое освобождение. Мудрый дед Вадыль, умный и веселый беженец-поляк Батура, Данила Дрыль, комиссар Скиба и многие другие — все они, являясь глубоко индивидуальными, типическими характерами, составляют единое и выступают в драме под одним именем — народ.

Автор правильно указывает, что главной особенностью драматических произведений Крапивы «является умение писателя высказать через каждый образ определенную общественно значимую мысль, которая оттеняет и углубляет общую идею произведения». Это означает, что каждый образ писателя отражает определенную и важную сторону жизни, определенную социальную силу, представителем которой он является. Это старается подчеркнуть исследователь в своей книге при анализе образов, но дело не доводит до конца. Например, при анализе пьесы «Партизаны», а также других драматических произведений Крапивы автор мало останавливается на типичности положительных героев и их жизненности.

Я. Усиков, рассматривая образы пьес Крапивы, старается всегда обнаружить их социальные корни, их общественную значимость. Это видно не только на анализе пьес «Конец дружбы» и «Партизаны», но и при разборе произведений военного времени — «Испытание огнем», «С народом» и других. Такой подход дает возможность правильно разобраться в многогранной, часто противоречивой жизни персонажей. Автор убедительно говорит о причинах, которые порождают конфликт между героями пьесы «Испытание огнем», «Конец дружбы», показывает, как он разрешается в разных случаях.

Другой положительной чертой исследования Я. Усикова является то, что оно ведется не в узко литературных рамках, а отталкивается от жизни.

Интересно ставит критик проблему положительного героя при рассмотрении комедий К. Крапивы «Кто смеется последним» и «Поют жаворонки». Следуя правильной мысли об утверждающем характере пьес, Усиков вполне обоснованно говорит, что заслуга Крапивы, особенно в комедии «Кто смеется последним», не только в том, что в ней подвергаются острому осмеянию отрицательные явления, но и созданы полнокровные положительные характеры, вступающие в борьбу с людьми порочными, фальшивыми, отрицательными и людьми ошибающимися. Лучшее всего это проанализировано на пьесе «Поют жаворонки». Но что касается

комедии «Кто смеется последним», то здесь следует предьявить некоторые претензии к автору книги.

Рассматривая комедию, Я. Усиков приходит к выводу: «Борьба между положительным и отрицательным в условиях социалистической действительности идет при явном преобладании положительного. Вот почему и художественное произведение, если оно претендует на правдивое отражение жизни, должно обнаружить это преобладание. И дело тут не просто в количественном преобладании действующих лиц с положительными качествами над персонажами с отрицательными качествами и не в формальном наказании пороков и триумфа добра над злом в конце комедии, — дело в том, насколько в самом развитии действия пьесы обоснован этот триумф, насколько показано идейно-политическое и моральное преобладание положительного над отрицательным, насколько само содержание и идейная насыщенность комедийного произведения направляют читателя или зрителя на активную борьбу против тех пороков, носителями которых являются отрицательные персонажи». Кажется, верно. Но когда автор непосредственно приступает к анализу соотношения положительных и отрицательных образов, это преобладание выступает скорее количественно, чем качественно и ведет исследователя к неверным выводам.

Обращаясь к главному отрицательному персонажу, автор книги почему-то всячески старается подчеркнуть, что Горлохвацик, с кем ведут ожесточенную борьбу положительные герои, одинок и может рассчитывать только на подхалимство Зелкина и трусость Туляги, что он морально одинок и социально осужден. Последнее верно. Да, он осужден социально, но действительно ли он одинок морально и совсем не имеет поддержки? Почему же возникает такая острая борьба между «одиноким», не имеющим поддержки Горлохвациком и численно, морально и идейно превосходящим коллективом института? Тот факт, что Горлохвацик может опереться на Зелкина и Тулягу, уже противоречит этому. Более того, автор говорит, что коллективу института при этом условии приходится не только почувствовать своему товарищу Черноусу, а

активно бороться за него, защищать его от наступающего Горлохвацика. Здесь автор явно недооценивает силы зла в образе Горлохвацика, который совсем не одинок, а имеет поддержку и не только в подхалимстве Зелкина и трусости Туляги, но и во всем том, что воплощают эти образы, что за ними скрывается. Автор забывает, что Зелкин — это не только подхалим, но и носитель других пороков, буржуазных пережитков, а Туляга не только трус, но и человек безидейный, аполитичный и т. д.

Автор книги не говорит о них как об образах-типах, воплощающих в себе все то отрицательное, гнилое, с чем нужно вести неустанную борьбу, на что и опираются горлохвацики. И в этом явно сказывается еще порочная теория бесконфликтности, влияние которой во всегда может преодолеть автор.

Сказанное свидетельствует о том, что Я. Усиков не все и не до конца продумал в своей книге, и эти недоработки, к сожалению, сказываются в весьма важных вопросах о типическом, о проблеме конфликта.

Нельзя, например, согласиться и с таким определением типического, как в том месте, где автор говорит о сюжете пьесы «Поют жаворонки»: «Самим выбором традиционного сюжета К. Крапива подчеркнул широкую распространенность, массовость, настоящую типичность всего того, что имел намерение отразить в своем произведении».

Касаясь книги в целом, следует сказать и о ее композиции. Книга значительно выиграла бы, если бы связь между главами была более проблемная, а не хронологическая, порой случайная, как, например, между главами о драме «Партизаны» и пьесе «Испытание огнем».

Очень мало в книге сказано о языке героев К. Крапивы. Было бы очень кстати, если бы статья, появившаяся в этом году в журнале «Польмя» и посвященная этому вопросу, была помещена в книге.

Все это несколько снижает ценность серьезного и обстоятельного исследования Я. Усикова о драматургии Крапивы, которого с нетерпением ждали читатели.

М. ЛАЗАРИК.